

Правило, знающее немного исключений: классики редко бывают современниками. Бессмертие имеет обыкновение приходить после смерти. 78-летний Вайда успел при жизни получить заслуженное. «Золотую Пальмовую ветвь» Канна ему вручили еще в глубинах века прошлого, американского «Оскара» — уже на заре тысячелетия нынешнего...

Мэтр мирового кинематографа приехал в Москву по приглашению мэтра российского театра. Ставить в руководимом Галиной Волчек «Современник» «Бесов» Федора Достоевского. Премьера в середине марта. По две репетиции в день. Час на беседу — как подарок. Пан Анджей в сопровождении пани Кристины Захватович, супруги и соратницы. Они везде вместе. Даже на интервью.

«Ближайший фильм будет о трагедии в Катини»

— Переключившись на театр, вы поставили точку в кинорежисуре, пан Анджей? Или все-таки запятуя?

— Желание снимать есть, но сейчас я попал в достаточно затруднительное положение по двум причинам сразу. Сценаристы, с которыми работал, ушли из жизни. И существующая литература тоже ушла. Ушла от жизни, отстала от нее. Сложно найти автора, который дал бы шанс снять современную картину. А польские зрители ждут от меня именно этого. Ждут, несмотря на мои преклонные годы! Это обязывает. Несколько раз мне удавалось сделать фильмы, которые отвечали

на волнующие людей вопросы. Поэтому мне и теперь говорят: снимите такую картину, посмотрев которую мир увидел бы и понял происходящее в Польше. А я не могу, нет у меня для этого союзников. Не писать же сценарии самому? Никогда подобным не занимался.

— А как же ваше давнее намерение рассказать о трагедии в Катини?

— Это совсем другая история! Seriously готовлюсь к этому фильму. Надеюсь, ничто не помешает в апреле приступить к работе над ним. Сценарий уже есть. Я получил его из Польши здесь, в Москве, репетируя «Бесов». Выпущу спектакль и займусь картиной. Очень трудно снять про Катинь так, чтобы не получился мартиниолог. В Польше почти нет художественной литературы на эту тему, кроме замечательного стихотворения Збигнева Герберта «Пуговицы». Наши писатели подробно осветили все события войны, за исключением рассказа о массовом истреблении элиты польской армии.

— Можете объяснить логически, почему так?

— В свое время очень много народу в Польше пострадало из-за желания узнать правду. Сейчас все исторические документы обнародованы, факты преданы огласке. Мы знаем, что произошло с офицерами, попавшими в плен к Красной Армии, кто подписывал документы на их уничтожение. Но когда-то именно за этой темой болели все охотились цензура. На нее существовало табу, висевшее в течение пятидесяти лет. Пи-

сать можно было только в стол.

— Видимо, не писали.

— Не в этом дело! Вопрос, как обо всем рассказать. Вот я и решил, что покажу драму тысяч людей на примере конкретного человека. Буду снимать фильм о матери, об истории ее жизни. Мама до самой смерти отказывалась верить, что ее муж и мой отец погиб в Катини. Она ждала, когда Якуб вернется, хотя его расстреляли еще в 1940-м. Вместе с другими пятнадцатью тысячами польских офицеров... Преступление оказалось настолько ирраци-

«Польша была самым веселым бараном во всем социалере»

— Чапский, наверное, возненавидел все, напоминающее ему о России?

— После всех этих страшных событий в нем не было и тени антироссийскости!

— А в вас?

— У меня здесь столько друзей... К слову, друзей, обретенных не сегодня, когда я сыт, известен и успешен, а в тяжелое время первого приезда в Москву в 1955 году. Тогда я познакомился с дру-

оально, что невозможно было понять, почему это сделано. Легче давалось предположение, будто все устроили немцы, создавшие концентрационные лагеря и творившие бесчинства на оккупированных территориях. Однако выяснилось, что содеянное целиком и полностью на совести НКВД. Органы получили благословение лично товарища Сталина...

Кристина Захватович:

— У нас был друг — художник Юзеф Чапский. Он чудом — чудом! — спасся из Катини. Впоследствии искал пропавших товарищей. Как они могли бесследно

Пан Вайда объясняет русским «Бесов» (Москва, «Современник», 2004-й, слева) и «Идиота» (Питер, «Белый театр», 2002-й, внизу)

Анджей Вайда: Может, и хорошо, что не уежал в Голливуд

рисковали жизнью, а Польша все-таки оставалась самым веселым бараном в социалистическом лагере.

... Впрочем, и у нас все было отнюдь не безоблачно. Сколько лет я ждал возможности снять «Человека из мрамора»? Двенадцать или пятнадцать. Но в нужный момент схватился за шанс, не упустил его. Так же и со спектаклем «Бесы». В 70-е годы обращался в четыре театра, предлагая эту постановку. И только Старый театр из Кракова сказал «да». Потому что Краков находился далеко от Варшавы, от Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии. Все скажут было невозможно, цензура лютовала, но внутри театра внешние волны не докатывались. Тут все делалось не по политическим взглядам, а по тому, хороший ты актер или плохой. Лояльность по отношению к курсу партии и правительству на сцене не помогала и не спасала...

росла молодежь! До 1948 года, пока ПОРП еще не утвердилась в стране, народ надеялся на свой путь развития социализма. Конечно, когда смотришь из далекой перспективы, понимаешь, что шансов не было, но тогда мы не чурались левых, очень сурово оценивали довоенную Польшу, считали виновата система — и шли навстречу тому, что происходило. И наступил 1949 год, и это было ужасно. Зато потом пришел 1956-й, и у меня снова зародилась надежда. Я получил сценарий фильма «Канал», сделал его, показал в Канне, вернулся домой с призом...

Кстати, чудесная история произошла с нами на днях. Мы с Кристиной стояли перед гостиницей здесь, на Чистых прудах, ждали машину, чтобы ехать в театр на репетицию. Не мне вам рассказывать о пробах на московских до-

Кристина Захватович:

— Кстати, знаете, кто однажды играл у нас ангела? Секретарь парткома! С Конрадом Свинарским мы делали романтическую пьесу Красинского «Небожественная комедия». Когда распределяли роли, Свинарский спрашивает: кто в труппе партийный босс? Ага, госпожа Цецина Недвецкая. Прекрасно, она будет играть архангела. Весь спектакль Цецина стояла в крыльях и с мечом... Действительно, Польша всегда остом в социалере! Например, у нас отсутствовали возможности по собственному желанию выезжать за рубеж, но при этом чувствовали себя достаточно свободными. Да и власти хотели, чтобы Польша пристойно выглядела в глазах Запада. Это был комплекс неполноценности, которым мы не пользовались.

— Мое поколение убежало из-под топора смерти, — говорит Анджей Вайда, — Мы чувствовали себя счастливыми, в нас кипела энергия. Невозможно передать, какая замечательная тогда в Польше вы-

С «Золотым Львом» Венеции-1998 Анджею Вайду первой поздравила Кристина Захватович...

роны, может, и хорошо, что этого не случилось. Не жалею о несбывшемся, хотя осталось несколько фантастических замыслов, которые не удалось осуществить. То, о чем мечтал, в итоге снимали другие. Например, собирался делать картину по роману Джозефа Конрада, но увидел «Апокалипсис сегодня» Копполи и понял: могу расслабиться. Коппола сказал все за меня. Вероятно, лишь концовку я решил бы иначе. И все равно не жалею.

Призы моей молодости оцениваю, пожалуй, даже дороже «Оскара». Они давали шанс. За мной ведь никто никогда не стоял — ни политические партии, ни высокопоставленные покровители, ни ангажированные критики. Я никому ничего не был должен. Самым важным и одновременно трудным оказалось не вмешиваться в политику. Стоило раз пойти на сделку с официальной властью — и всё. Сначала бросили бы косты, расщедрились бы на подачку, но потом за это пришлось бы дорого заплатить. С теми же, кто оставался в стороне, ничего нельзя было поделять. Я снимал политические фильмы, при этом находился вне политики.

«Никому ничего я не должен»

— С годами ваше отношение к наградам меняется, пан Анджей? Скажем, если бы «Оскар» пришел не четыре года назад, а сорок четыре, вы восприняли бы его иначе?

— Если бы меня наградили в 50-е годы за картину «Пепел и алмаз», жизнь наверняка пошла бы иначе. Попробовал бы сделать карьеру в Голливуде. С другой сто-

Хитрый пан!

— Это не так расчетливо, о которой вы могли подумать. Я руководствовался здравым смыслом. Всегда полагал, что от меня будет больше пользы, если сниму новый честный фильм. Что хорошо, если мне запретят работать? Кому я нужен со связанными руками, заткнутым ртом?

Кристина Захватович:

— Казимир Брандис, наш писатель, как-то сказал Анджею: «Я работаю при помощи ручки и бумаги. Даже когда не печатают, могу писать в стол — в надежде, что издадут потом. А если у тебя отнимут камеру, что станешь делать?» Конечно, у нас не было такого, как в Советском Союзе, за книги и фильмы не ссылали на десять лет в Сибирь, и все равно репрессивный аппарат свое дело знал. При Ярузельском, в период военного положения, очень многих заставляли подписывать так называемые лояльные обязательства не выступать против существовавшего в Польше режима. Тем, кто отказывался, открывали удержки. Людей заугнвали, шантажировали. Многие соглашались, но мы никого не вправе обвинять, поскольку не знаем, как бы сами по-

ступили, если бы к нам пришла с такой бумажкой. Прошло всего два десятка лет, а уже трудно представить, что такое цензура, гонение на инакомыслящих...

«Попав в Канн помог Валенса»

— На самом деле не так уж это и сложно, если внимательно приглядеться к российской действительности... Но я сейчас о другом. Говорите, пан Анджей, что в прежние времена дистанцировались от политики, но как это вяжется с вашим согласием возглавить комитет по культуре в правительстве Леха Валенсы?

— В 1980 году обстановка была совсем иная, общество изменило систему. Когда я сделал фильм «Человек из железа», чиновники из Варшавы не хотели отправлять картину на конкурс в Канн. Я позвонил в «Солидарность» и лично Леху. Они моментально отправили телеграмму в министерство: «Металлургический комбинат имени Ленина требует, чтобы фильм Анджея Вайды участвовал в фестивале. Это наше кино!» И поставили десять тысяч подписей!

— Конечно! Тогда впервые в жизни почувствовал, что у меня за спиной кто-то есть. Это было прекрасно. У нас в машине лежала единственная копия «Человека из железа», и мы с Кристиной самостоятельно объехали Гданьск, Глыбно, Щецин и Познань.

— Что-то мы ушли глубоко в прошлое, давайте, пан Анджей, вернемся в сегодня, а еще лучше — заглянем в ваше завтра.

— Счастливи, что удалось открыть кинематекерскую в Варшаве. Кажется, в 78 лет я созрел для того, чтобы начать преподавать, учить других. Постепенно подбирается команда единомышленников. К сожалению, в Польше, как и в России, круг киношников абсолютно распался в 80-е годы. У каждого свои дела, свой бизнес. Но должно быть место, где люди станут работать безвозмездно. Киношкола — подходящее для этого место. Можно беседовать о сценариях, о фильмах. Без злости и без корысти. Мы ведем занятия вместе с Войцехом Марчевским. Открываем и международный курс. Надеюсь, приедут молодые ребята и из России, и с Запада, а Польша станет местом встречи.

— Которые изменить нельзя?

— Да. Я бы мечтал об этом...

10 фактов о Вайде

1 Пан Анджей родился в 1926 году в маленьком городке Суваляки, на границе с Советским Союзом. Его отец Якуб Вайда имел чин капитана, командовал пехотным полком. Он исчез в 1939 году, когда СССР оккупировал восточные территории Польши. О месте гибели отца семья узнала несколько лет спустя: Якуб Вайда расстрелян в Катини...

2 Сразу после войны Анджей поступил в Краковскую академию изящных искусств. Не закончил ее, но рисует до сих пор — на клочках бумаги. Каждый такой клочок аккуратно подписывает: Andrzej Wajda. Знает: рисунки живого классика — это реликвия.

3 Свои главные кинонаграды — «Золотую Пальмовую ветвь» Канна, венецианского «Золотого Льва» и американского «Оскара» за выдающийся вклад в развитие мирового кинематографа Вайда подарил музею Ягеллонского университета в Кракове, где хранятся манускрипты из библиотеки короля Зигмунта Августа, последнее фортепиано Шопена, астрономические инструменты Коперника и первый глобус, на котором появилась Америка...

4 По продолжительности жизни в кинематографе поляка Вайду можно сравнить разве что с японцем Курасовой, снимавшим кино на протяжении полувека. В чем Вайда абсолютный лидер, так это в количестве выпущенных картин. Он снимал в год по фильму, иногда по два. Лента про Катинь, задуманная паном Анджем, может стать пятьдесят девятой в его творческой биографии.

5 В 80-е годы Вайда взял «творческий отпуск», чтобы заняться политикой. Стал членом консультативного совета профсоюза «Солидарность». Культурная фигура в Польше, пан Анджей был звездой на знамени «Солидарности». Рабочие победили, Вайда стал сенатором, на этом его интерес к политике иссяк.

6 Вайда никогда не подписывал коллективных писем. Исключение — обращение лета 2001 г. Вместе с Кшиштофом Занусси, Ежи Кавалеровичем и другими деятелями польского кино он выступил против программ reality TV типа «За стеклом» или «Голод»...

7 У Вайды никогда не было проблем со спонсорами. Последние проекты Вайды финансировал Джордж Сорос. Табачная компания «Филип Моррис» учредила ежегодный Международный киноприз имени Вайды, присудив первый, разумеется, ему.

8 В первой половине 80-х американские продюсеры предложили Вайде снять фильм о бунте в советском лагере по сценарию Солженицына. Писатель сам выбрал режиссера. Но Вайда отказался: после такого фильма о возвращении в Польшу нечего было и думать. На эмиграцию же он решиться не мог.

9 Снятый в 1999 году фильм «Пан Талеуш» по одноименной поэме Адама Мицкевича Вайда считает главным своим произведением. За несколько месяцев показа в Польше картину посмотрели 60 процентов населения страны!

10 До Кристины Захватович Вайда был женат на известной актрисе Беате Тышкевич. Она родила дочку Каролину, единственного ребенка пана Анджея.

...а с «Оскаром-2000» — Джейн Фонда

фото Юрия Велинского (ИТАР-ТАСС), Александры Петрищева, Рейтер

17.03.2004 Wajda Анджей